

СПЕЦИФИКА ИТАЛЬЯНСКОЙ И РУССКОЙ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

Дьяченко Татьяна Анатольевна, преподаватель, Астраханская государственная консерватория, 414000, Россия, г. Астрахань, ул. Советская, 23; аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru.

Данная статья посвящена особенностям языковых картин мира итальянского и русского языков. В работе рассматриваются специфические структуры мышления, выражающиеся в качестве единиц культуры и проявляющиеся в виде особой организации словосочетаний, единиц, принадлежащих фразеологическому уровню двух языков. Большое внимание уделяется изучению системы ключевых концептов и связывающих их идей.

Ключевые слова: языковая картина мира, фразеологическая единица, культурный концепт

SPECIFICS OF ITALIAN AND RUSSIAN LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Dyachenko Tatyana A., lecturer, Astrakhan State Conservatory, 414000, Russia, Astrakhan, 23 Sovetskaya st.; postgraduate student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st, e-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru.

This article is devoted to the specifics of Italian and Russian linguistic picture of the world. Specific structures of thinking expressed as units of culture, for example phraseological units in Italian and Russian languages, are considered in the paper. Much attention is given to the study of the key concepts system.

Keywords: linguistic picture of the world, phraseological unit, cultural concept

Языковая картина мира отображает культурный, обиходно-эмпирический и исторический опыт определённого языкового коллектива. Языковое сознание народа – это воплощение его мировосприятия в стереотипах и языковых формах. По словам Т.З. Черданцевой, тенденция создавать новые комбинации из уже имеющихся слов всегда была свойственна человеку и проявлялась на ранней стадии развития языка [4, с. 35]. Итальянские письменные источники содержат достаточное количество несвободных словосочетаний, способных, с одной стороны, служить средством номинации понятий и предметов, с другой – описывать ситуации с помощью слов, утративших прямую соотнесённость с тем предметом, обозначением которого они могут являться.

Для того чтобы в полной мере понять итальянское языковое сознание, необходимо изучить фразеологический пласт итальянского языка, а также исследовать источники фразеологии. При этом не стоит забывать, что литература и фольклор немало способствовали их появлению.

В литературе производился определённый отбор единиц языка, который мог быть и субъективным, однако список фразеологических единиц (далее – ФЕ) итальянского языка, который имеется на сегодняшний момент, является отражением объективного процесса образования новых единиц языка сквозь призму его носителей, принадлежащих, как правило, либо к образованным кругам, либо к лицам, обладающим поэтическим дарованием, олицетворявшим природу и окружающие предметы.

Ситуации и понятия, лежащие в основе ФЕ итальянского и русского народов, имеют много общего, поскольку основаны на схожести быта, животного мира, процессах, связанных с проявлениями основных жизненных функций и чувств человека.

Символика итальянского и русского языков может совпадать, но лишь в самой общей своей части, и может существенно различаться в деталях и функционировании символа. Например, известно, что *глаз* – орган зрения у всех живых существ. *Глаз* – символ зоркости, в то время как *рука* – символ многих действий и ситуаций, в которых этот орган используется. Однако название такого органа, как печень, в русском языке используется для выражения высокой степени чувств (*всеми печёнками* – 'очень сильно'; *сидит в печёнках* – 'очень надоел'), а в итальянском языке этот орган обозначает могущество и храбрость (*uomo di fegato* – 'смельчак'; *avere del fegato* – 'быть смелым'; *essere un fegataccio* – 'быть отчаянным / рискованным человеком').

С именами животных в итальянском и русском языках связаны более или менее сходные образы. Так, лиса обычно является символом хитрости (*fare come la volpe con l'uva* – 'поступать как лиса в винограднике'; *con la volpe conviene volpeggiare* – 'с лисой приходится хитрить'; *la volpe sogna la gallina* – 'голодной лисе всё курочка снится'); волк – жадности (*il lupo cambia il pelo, ma non il vizio* – 'как волка ни корми, он всё в лес глядит'; *avere una fame da lupo* – 'быть голодным как волк'); свинья – нечистоплотности, грязи (*un porco lavoro* – 'грязное дело'; *grasso / sudicio come un porco* – 'жирный / грязный как свинья'; *mangiare come un porco* – 'жрать как свинья'); змея – коварства (*nutrire / scaldare la serpe in seno* – 'пригреть змею на груди'); медведь – неловкости, грубости (*ballare com'un orso* – 'танцевать как медведь'); обезьяна – подражания (*fare la scimmia* – 'передразнивать'); лев – силы, великодушия (*battersi / combattere come un leone* – 'сражаться как лев') и т.п. На основе этих образов появляются ФЕ, которые иногда полностью или частично совпадают, а подчас совершенно расходятся как по форме, так и по содержанию. Итальянцы говорят *cieco come una talpa* (ср. с русским *слепой как крот*); *muto come un pesce* (ср. с русским *нем как рыба*). Вместе с тем итальянское *sano come un pesce* (букв. *здоров как рыба*) соответствует русскому *здоров как бык*. Бык в русском языковом сознании ассоциируется с упрямством, со здоровьем и силой, в то время как в итальянском – с тупостью. Другой пример связан с символом зоркости, который в языковом сознании итальянцев выражается с помощью глаз рыси, а в русском – глаз кошки (ср.: итал. *l'occhio di lince* – рус. *глаза как у кошки*).

Расхождения в плане содержания подобных ФЕ объясняются природными условиями, культурными и религиозными традициями, и, кроме того, тенденциями номинации, положенной в основу итальянского и русского языков.

В итальянском языке достаточно большое количество ФЕ содержат компоненты, связанные с военной и охотничьей лексикой, например: *passare in cavalleria* – 'исчезнуть', 'испариться'; *far cilecca* – 'промахнуться'; *far padella* – 'дать осечку'; *tagliar la corda* – 'убежать'; *fuggire come una palla di fucile* – 'бежать пулей' и др. Стоит отметить, что ненародное происхождение данных единиц отразилось на их употреблении: они часто встречаются в повествовательной речи, что нехарактерно для фразеологии.

Немалое число ФЕ итальянского языка связано с играми, большинство – с карточными, например: *fare cappotto* – 'обыграть всухую'; *perderla marcia* – 'проиграть всухую'; *prendere uno in contropiede* – 'дать подножку' (выражение пришло из игры в футбол); *tornare a bomba* – 'вернуться к теме разговора' (из детской игры в прятки); *la paura fa novanta* – 'у страха глаза велики' (число из игры в лото) и др.

ФЕ, связанные с областью игр, прочно вошли в современный итальянский разговорный язык и встречаются в литературных произведениях современных авторов.

Большое количество ФЕ итальянского языка представляют собой библеизмы, имеющие аналоги в русском языке, например, ср.: итал. *aspettare la manna dal cielo* – рус. *ждать манны небесной*; итал. *essere una voce nel deserto* – рус. *быть голосом вопиющего в пустыне*; итал. *andare in Oga e Magoga* ('идти на край света') – рус. *Гога с Магогой* ('бог знает что!') и др.

Для русской языковой картины мира характерно описание реальной действительности в пространственных метафорах. Широта русской души несовместима с мелочностью, осуждаемой в русской культуре. Одна из главных ценностей русской языковой картины мира – простор, а также связанные с ним даль, ширь и раздолье. Ещё три концепта, а именно *тоска*, *удаль* и *воля*, несут на себе печать русских пространств. Отметим, что перевод этих концептов на другие языки возможен, но в результате происходит потеря большого количества дополнительных смыслов, компонентов значений, понятных лишь носителям русского языка. Так, концепт *радость* в сознании русского человека ассоциируется с духовным и нравственным наслаждением, что проявляется в таких фразеологизмах, как *радует глаз*; *радует душу*; *сияет как блин на Масленицу* и др. В европейской же культуре концепт *радость* – это, прежде всего, физическое и материальное удовольствие, удовлетворение первостепенных потребностей человека.

Бытийный аспект русской языковой картины мира представлен противопоставлением *неба и земли*, *возвышенного и приземлённого* с предпочтением первых элементов пар. Как отмечают многие исследователи, подобная поляризация вызвана спецификой русского православия. В католичестве загробный мир разделён на рай, ад и чистилище, и наличие последнего даёт возможность спасения для грешников; в православии же отсутствует понятие *чистилище*, и, как следствие, земная жизнь воспринимается либо как грешная, либо как святая.

По словам А.Д. Шмелёва, русской языковой концептуализации мира также присуще восприятие мира на основе оппозиции *горнего и дольного* (ср. пары слов *быт – бытие*, *добро – благо*, *радость – удовольствие* и т.п.). При этом излишнее внимание к «дольнему», к быту, к мелочам жизни не одобряется. О том, что, с точки зрения русской языковой концептуализации мира, хорошо, когда человек бескорыстен и нерасчётлив, свидетельствует, в частности, положительная окрашенность слов *широта* и *размах* и резко отрицательная оценка слов *мелочность* и *корысть* [5], что проявляется в таких ФЕ, как *жить с размахом*; *с размаху*; *широкий жест*; *размениваться на мелочи / по мелочам*; *мелочи жизни* и др.

Как указывалось выше, для русской языковой картины мира особой значимостью обладает концепт *душа*, что ярко проявляется во фразеологическом пласте русского языка посредством многочисленности ФЕ с данным компонентом: *душа в пятки ушла*; *от (всей) души / всей душой*; *в глубине души*; *жить душа в душу*; *стоять над душой у кого-л. / душу вымотать кому-л.*; *сколько душе угодно*; *отвести душу*; *за душу*; *душа нараспашку у кого-л.*; *душа болит*; *отдать Богу душу*; *быть по душе*; *как Бог на душу положит*; *души не чаять в ком-л.*; *на душе кошки скребут*; *чужая душа – потёмки*; *чернильная / бумажная душа*; *родственные души* и др.

Другим примером специфики русской языковой картины мира может служить рассмотрение концепта *терпение*, который в русском языковом сознании предстаёт в виде ряда разнородных предметов. В частности, существуют ФЕ, включающие идею жидкости, при этом все они указывают на различные свойства. Например, ФЕ *терпение иссякло* говорит о том, что *терпение* – это частный случай ресурсов; во ФЕ *иметь хоть каплю терпения* компонент *капля* означает 'очень малое количество'; ФЕ *терпение лопнуло* указывает на другое свойство терпения, представляемое русскому воображению натянутой струной или надутым до предела шаром.

Таким образом, языковая картина мира формируется системой ключевых концептов и связывающих их ключевых идей. Для русской языковой картины мира основные концепты заключаются в лексемах *душа*, *тоска*, *радость*, *раздолье*, *простор*. Подобные слова являются лингвоспецифическими, поскольку для них трудно найти лексические аналоги в других языках [2, с. 203].

Особенности итальянской и русской культур как совокупности материальных и духовных ценностей двух народов отражаются в их языковых картинах мира. Специфические структуры мышления выражаются в качестве единиц культуры и проявляются в виде особой организации предложений, словосочетаний, единиц, принадлежащих фразеологическому уровню итальянского и русского языков. Это факт позволяет рассматривать подобные когнитивные структуры как способы выражения национального характера, а также связывать языковую избирательность в предпочтении той или иной синтаксической конструкции с культурными ценностями носителей языка.

Список литературы

1. Бирих А. К. Русская фразеология (историко-этимологический словарь) / А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова. – М.: Астрель, 2005. – 926 с.
2. Зализняк А. А. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А. А. Зализняк, И. Б. Левотина, А. Д. Шмелёв. – М., 2005. – 287 с.
3. Кубрякова Е. С. Человеческий фактор в языке / отв. ред. Е. С. Кубрякова. – М., 1988. – 255 с.
4. Черданцева Т. З. Язык и его образы (Очерки по итальянской фразеологии). – М.: Международные отношения, 1977. – 168 с.
5. Шмелёв А. Д. Русская языковая картина мира / А. Д. Шмелёв // Учительская газета. – 2009. – № 9. – Режим доступа: <http://www.ug.ru/archive/27478>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.

References

1. Birikh A. K., Mokiyenko V. M., Stepanova L. I. Russkaya frazeologiya (istoriko-etimologicheskij slovar'). M.: Astrel', 2005. 926 p.
2. Zaliznyak A. A., Levotina I. B., Shmelev A. D. Klyuchevyye idei russoy yazykovoy kartiny mira. M., 2005. 287 p.
3. Kubryakova Ye. S. Chelovecheskiy faktor v yazyke. M., 1988. 255 p.
4. Cherdantseva T. Z. YAzyk i yego obrazy (Ocherki po ital'yanskoy frazeologii). M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1977. 168 p.
5. Shmelev A. D. Russkaya yazykovaya kartina mira // Uchitel'skaya gazeta, 2009, № 9. Available at: <http://www.ug.ru/archive/27478>.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ВЕКТОРЫ ВОСПРИЯТИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА (ПО ДАННЫМ ЭКСПЕРИМЕНТА)

Калёнова Наталья Алексеевна, доктор филологических наук, доцент, Волгоградский государственный технический университет, 400005, Россия, г. Волгоград, пр-т им. В.И. Ленина, 28; e-mail: n.a.kalyonova@yandex.ru.

В статье даётся обоснование когнитивного подхода к проблемам восприятия поэтического дискурса. Анализируя материалы эксперимента, проведённого среди носителей языка – неспециалистов, выявляющего результаты декодирования поэтического дискурса, автор приходит к выводам о когнитивно-прагматических векторах, задающих результаты декодирования произведения. Выявлена роль эмотивного содержания прагматического значения дискурса, подтверждена мысль о первичности эмоционального, ассоциативно-образного восприятия. Изучено использование фрейма в интерпретации поэтического дискурса участниками эксперимента.